

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ
VIII Международного
литературного конкурса
«Серебряный голубь России 2022»
в номинации «Стихи»**

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

**Наталья ЛИТВИНОВА
МАРКУ ШАГАЛУ
(поэтический триптих в акростихах)**

1.

Шелестящие заросли тмина и жгучей крапивы.
Ароматы провинции. Ветхий забор. Огород.
Голубиное небо. Вечерней зари переливы.
Август. Витебск. Двадцатого века пятнадцатый год.
Лошадь щиплет траву в голубой глубине переулка.
У крылечка сгустился мистических сумерек свет.
Млечный месяц. Церквушка. И лучшая в мире прогулка:
Ах, та самая, с Беллой, прекрасной, как розовый цвет!..
Романтический образ влюблённых над Витебском старым
Кистью Марка Шагала вознёсся в заоблачность крыш:
Улетают любовники в небо пронзительным даром,
Звёздной пылью усыпав Венецию, Лондон, Париж.
А вослед за влюблёнными мчатся коровы и козы,
Хлипкий старый газетчик с библейскою скорбью в глазах.
Абсурдивно пространство. Таинственны метаморфозы.
Рдеют смальтой витражною ангелы на образах.
Отблеск старого Витебска реет над вечной Вселенной.
Васильки голубеют. Трепещется солнечный блик.
И парит над Землёй фантастичный, цветной, вдохновенный
Чародея Шагала сквозной
Ускользящий лик.

2.

Милый старенький Витебск в начале двадцатого века!
Алых маков раздолье, ромашки, репей, васильки,
Резкий запах селёдки и чуть подгоревшего хека,
Керосиновой лампы блуждающие огоньки.
У окна приоткрытого — фикус и венские стулья,

Занавеска приподнята, в воздухе — трепет стрекоз...
Ах, Шагал-чародей, ты извлёк их из дивного улья,
Хрустнув веточкой липы на улице витебских грёз.
Абажур на цепочках, трюмо, табурет на пороге,
Разноцветные коврики, тканые половики...
Отчего же так сердце щемит от неясной тревоги,
Всеобъемлющей грусти, какой-то вселенской тоски?
И салфеточки в прошвах, и чуть потускневшие блюда,
Чёрный лак этажерки — обычная будничность, быт! —
У Шагала-художника вдруг превращается в чудо.
Шёпот витебских домиков в толще веков не забыт.
Акварели заката пылают пронзительно-ало.
Грозовую чертою ощерился ночи излом.
А летучее время на чудной картине Шагала
Легкомысленно машет
Узорчатым синим крылом.

3.

Мягкий сумрак окутал мансарды, кафе и бульвары.
Аметистовый вечер в тумане сиренево-рыж.
Расцветают фиалки. Гуляют влюблённые пары.
Краски сыплутся с неба, как звёзды, на майский Париж.
У мольберта — Шагал, в лёгких пятнах — этюд вдохновенный,
Зарисовка с натуры: аллея, ветвей переплёт,
А красавица Эйфеля — стройная башня над Сеной —
Хрупкой барышней в платье из дымчатых кружев плывёт.
Арлекины и клоуны тянут абсент на террасе.
Расписные красотки пикантно влекут в «Мулен Руж».
О, богемная жизнь на Монмартре и на Монпарнасе!
Вернисажи художников странного улья — «Ля Рюш»!
И в палитре Шагала, на глади холстов повсеместно —
Через сад Люксембургский и сон Елисейских полей
Удивительным образом вдруг проступает чудесно
Шелковистая синь куполов православных церквей.
Ах, загадочный Витебск, мистический город странинный,
Голубой, васильковый, небесно-таинственный свет!
Амальгамы зеркальные Сены и Витьбы былинной
Лёгкой нитью незримой связал
Ускользящий свет.

Республика Беларусь, г. Полоцк

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

Равиль ВАЛЕЕВ «РУССКАЯ ВЕНЕРА»

Болезнь терзает с злобностью терьера —
Движение руки рождает боль,
В коляске жить — печальная юдоль,
Кустодиев предвидит край барьера.

Манит здоровой жизни атмосфера,
Где на столе всегда и хлеб, и соль,
Где можно бегать, прыгать, что изволь,
Где приключений жаждешь пионера.

В холсте деревня с топленной парной
С девицей пышнотелой озорной —
Чертовкой рыжей, что бела на сером.

Картина родилась большой ценой.
Аккордом светлым кончилась карьера —
Шедевр навеки «Русская Венера».

Крым, г. Керчь

Александра ПЕТРОГРАДСКАЯ «ВСЕЛЕНСКИЙ ФАУСТ»

*Светлой памяти
Александра Николаевича Скрябина*

1.

О, дерзновенный восхитительный мираж —
Нерукотворный храм и ты — его ваятель,
Поэт, философ, прорицатель —
Обители священной дух и страж.

О, музыки живое божество!
Кто посягнул на таинство всевластья?
Кто подчинил себя одной лишь страсти?
Кто превзойти решился смертных естество?

Творца Единого немислимый Алмаз
Сверкает гранями неведомых миров:
Число неисчислимое умов
Объято пламенем под именем Экстаз.

За царством — царство, за рождением — смерть!
Они идут тропею сумрачных долин.
Каков итог всего, великий Исполин?
В чём тайна жизни дикой круговерть?

Цивилизации проходят, как и сны.
И с каждой — мудрости частица — она в том,
Чтоб славить лишь Алмазные мечты,
Возмездия вселенского Закон.

А Древо Знания — срубить и растоптать плоды,
И прелести змеиной осушив фиал,
Со dna души достать завещанный кристалл,
Чтоб воссиял Твой Храм Великой Красоты.

Из наших драгоценных слёз и мук,
Восторгов счастья, доблестных вершин —
Воздвигнем мы его из горести разлук —
Любви Экстаз, богоподобный Сын!

Так музыкой неслыханных высот
Ты мыслил купол мироздания взорвать —
Чтоб хлынули потоки вешних вод,
Чтобы изгладилась греха печать,

Чтобы навеки обрело свой Дом
Непреходящей Радости Незаходимый Свет —
Всё человечество — сей смертный легион —
В Бессмертном Солнце — до скончанья лет!

2.

Прекрасна дерзновенная мечта!
В ней блеск вершины ослепительного «Я» —
Творит в огне гармоний бытия
Вселенский Фауст — Горнего черта.

Внезапна смерть: проиграна дуэль.
Изъят из круга жизни прежде лет.
О, «Чёрной мессы» Белый Менестрель!
О, «Белой мессы» Распятый Поэт!

Санкт-Петербург, 19.07. — 20.08.2022.

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ

Наталья ЗАПОРОЖЦЕВА «ЗИКИНО СЧАСТЬЕ»

Тростинка-девочка в имени Нескучном
слаба, прозрачна и легка.
Вздохали бабы: неживуча. / Но вдруг девчонка ожила.
И карандаш зажала смело, / и крепкой стала тонкая рука.
В семье с рожденья рисовать умели. / Она с карандашом росла.
Ей интересны были лес, луга и ели, / рассвет, закат и зеркала.
За речкою в имени Весёлом
жил-был кузен, товарищ, фантазёр.
С Борисом ей нигде не страшно: / он — с детства Зикин ухажёр.
Но годы шли, и дети повзрослели,
любовь пришла на самом деле...
Ей двадцать пять... / Жена и мать.
Прекрасна молодость, / и утро нежным светом
блестит на бусах и в её зрачке.
И, улыбаясь в зеркале за туалетом,
она бретельку поправляет на руке.
И гребешок ласкает прядь;
стряхнув истому ночи, сердце бьётся чаще.
Всё впереди, / ничто не омрачает минуту тишины.
Минута длится вечность.
И к кисти тянется рука запомнить бесконечность,
вишнёвые глазёнки у ребят — / любимых лансерят...
Ей тридцать пять... Вдова. / Разгром в Нескучном.
Другая жизнь, другие зеркала.
И холод-голод ребятишек мучит,
и нет уж сил, и молодость прошла.
Она детей рисует за столом.
Их домик карточный вот-вот перевернётся.
И никогда былое не вернётся,
счастливое семейство, милый дом...
Ей сорок лет... / Париж её не ждёт, и здесь ей места нет...
В парижской мастерской Серебряковой
живут холсты и Зикина душа.
И девушка, смотрящая с балкона,
как Зика, бесконечно хороша...

Наталья ШАБЛО (Тимофеева)

* * *

Когда тоска, схватив за воротник,
покажется кислее лунных ягод,
к вам жёлтый Ангел спустится на миг,
чтоб крыльями освободить от тягот.

Он будет в гриме Чёрного Пьеро,
язвительным, как век на нас глядящий,
и сто гирлянд парижского метро
исполнят танго жизни уходящей.

И никого опять не будет жаль,
захлопнет машинист врата ковчега,
и сквозь ресниц блестящую вуаль
проступит лик Серебряного века.

И будет снова русское саднить
в грассированной дикции маэстро,
а жёлтый Ангел, как метель, кружить
под звуки позабытого оркестра.

Век двадцать первый, потеряв лицо,
мелькнёт трамваем за стеклом снаружи,
и, на Пьеро накинув пальтецо,
пошлёт его искать родные души...

Московская область, г. Химки

* * *

*И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!*

А. Ахматова